

ВРЕМЯ

Z

Павел Кутаренко

ПТИЦЫ ВОЙНЫ

Ленинград
издательский дом
2026

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
К95

Серия «Время Z»

Дизайн обложки *Владимира Ноздрина*

При оформлении издания использованы фотоматериалы
РИА Новости (*Евгения Биятова*)

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Кутаренко, Павел Анатольевич

К95 Птицы войны: повесть и рассказ / Павел Кутаренко. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2026. — 352 с. — (Время Z).

ISBN 978-5-17-192709-7

Сколько их? С осени 2022 года по официальным данным было мобилизовано более 300 тысяч человек. Сколько из них осталось в живых? Не известно. Кто они? Мобилизованные, или просто «мобики» — работяги и интеллигенты, школьные учителя и повара — искатели приключений, себя, правды или счастья. И у каждого из них есть те, кто ждет их дома. И каждый из них, сражаясь на фронте, мечтает вернуться домой к родным. Но пока у них есть ДЕЛО — общее на всех.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-192709-7

© Павел Кутаренко, 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026

ИСТОРИЯ ФОМЫ И ЕРЁМЫ

Глава первая

КАК ЕРЁМА СЧАСТЬЕ ПОТЕРЯЛ И ВСТРЕТИЛ МАДОННУ

Когда я в последний раз был счастлив? Вот поди найди сразу ответ на такой простой вроде бы вопрос. Мы ведь и живем, наверное, только для того, чтобы счастливыми быть — ну или стремиться к нему, к счастью этому. Стремимся нормальную профессию получить и работу, чтоб денег хватало на шмот по моднее, еду повкуснее, мобилу попримачнее, машину посудомоечную, если жена все-таки уговорит ее купить. Чтоб можно было жену и ребенка на море свозить хотя бы раз в год. Чтоб тачка была такая, из которой на людях не стыдно было выйти. Чтоб производить впечатление счастливого такого человека, у которого в кошельке всегда есть бабло на бутылку или на экзотический фрукт, рубашка поглажена и подмышки почти не воняют. Но делает ли это нас счастливыми? Меня — не сделало.

Получается, что счастлив я был — если постараться и вспомнить отчетливо — только в детстве. Когда все мне было понятно и легко.

Когда я точно знал, что с каждым новым днем буду становиться хоть чуть-чуть больше, сильнее и умнее. И там, впереди, что-то обязательно яркое и хорошее ждет меня — и это хорошее мне по умолчанию кем-то обещано и суждено. В детстве каждому, наверное, кажется, что вся жизнь — это такой бесконечный уверенный полет в волшебном самолете, все выше и выше, пилот которого — только ты сам.

Ярче всего вспомнил это: мне лет семь, наверное. Зима, вечер. Я с голубой пластмассовой лопаткой пришел на городской стадион — он у нас один только был. Сопки вокруг, на катке люди скользят на коньках, музыка играет — «И снится нам не рокот космодрома-а-а...»¹. У меня коньков нет, да и кататься я толком не умею. Зато у меня есть лопатка и огромные белые сугробы возле катка — я копаю себе пещеру.

У нас в Заполярье снега зимой полно было, а когда он чуть подтает — сверху корка такая, наст образовывается. Если под наст этот закопаться — под ним легкий, пушистый снег, как вата — зарываешься все глубже, создаешь себе пещеру. И она только твоя — ее не нужно делить со старшим братом, как комнату дома.

¹ Хит группы «Земляне», записанный в 1983 году.

И ты сам ее для себя сделал. А потом я вылез из нее наверх и лег на спину. Открыл рот, а в него снежинки падают, я ловлю их на язык. Глаза прищурил чуть — и желтые огни осветительных мачт стадиона превратились в звезды такие мерцающие, а наверху — настоящие звезды, только белые и далекие.

Варежки все уже мокрые, но я этого не чувствую — я представляю, как взлетаю прямо к звездам, птицей поднимаюсь над катком, над людьми на нем, над всем моим маленьким заполярным городом — и лечу, куда хочу. Незвестные мне дядьки поют, что в какой-то дымке матовой Земля в иллюминаторе — и я вижу всю эту Землю сверху — высоко поднялся, кто ж меня остановит.

Я уже не птица, я — ракета или тот самый волшебный самолет. И я счастлив в этот момент. Абсолютно.

Это потом окажется, что, копая себе пещеру, я умудрился потерять ключ от квартиры, который висел на веревке на шее — как и куда он свалился, до сих пор не пойму. И за это уже дома меня отругает мама, но злиться будет недолго, потому что выяснится, что у меня промокли не только варежки, но и ноги — и я, конечно, заболею, а мама будет парить мне ноги в тазике и ставить злющие противные горчич-

ники, но зато в детсад (или тогда уже в школу?) не надо будет ходить целую неделю. А ключ от квартиры мы начнем оставлять под резиновым ковриком у двери в подъезде — чтоб снова не потерялся.

Вот и сейчас поймал себя на мысли, что пока лежу здесь, в распоряжении нашей медроты, никуда ходить мне не надо. Правда, ноги мне никто здесь не парит и горчичники не ставит, зато у меня есть ноги, а у бойца с позывным «Край», что лежит рядом — одной ноги уже нет, наступил на мину. А у меня только башка покоцанная — медсестра Катя так и сказала, когда перевязку делала:

— Ты чего хмурый такой, боец? Глянь на соседей, им-то куда серьезней досталось, а тебе только пуля череп чуть подправила. Ты вообще, летун, счастлив должен быть.

Я Кате ответил, что счастливым себя не чувствую. Но вот если она мне коньячку раздобудет или грудь свою пышную покажет — тогда точно стану счастливее. Обидел, в общем, Катю, да и просто наврал — даже если б она мне литр коньяка притаранила и дала б с груди своей щедрой весь его испить, не стал я бы счастливее.

Потому как то ли разучился быть счастливым, то ли что-то другое мне нужно для сча-

стья. Понять бы только что, пока не стало поздно. Но вряд ли теперь мне помогут пластмассовая голубая лопатка, пещера в глубоком пушистом сугробе и песня про зеленую траву у дома. Где ждет сына мать, а сыновей — Земля.

* * *

Катя эта хорошая такая, зря я с ней так. Когда меня везли в «буханке» из-под Авдеевки, вроде и в сознании был, но дурной какой-то, казалось, что вижу все в бреду. То я в «буханке» прыгаю по ямам на брезентовых носилках, залитых кровью — моей свежей и чужой засохшей. То вроде как улетаю куда-то — и вижу нашу «буханку» сверху, думаю сразу, что цель какая приметная, по ней легко прямо сейчас «эфпивишкой»¹ долбануть — и даже примерюсь, по какой траектории лучше в лобовое стекло или в крышу зайти. То вообще начинает казаться, что я как младенец лежу на коленях у Мадонны — и у Мадонны этой светлые волосы, голубые глаза, пухлые манящие губы и такая грудь, что даже через «броник» видно — достойная и эффектная такая грудь. Оказалось, что это я тогда впервые ее и увидел — Катю

¹ FPV — дрон.

Поцелуйко, медсестру нашей медроты, позывной — «Радистка Кэт».

Я тогда не знал еще, конечно, ни позывного ее, ни имени, не до знакомства было. Башка болела так, как будто по ней сзади кувалдой долбанули — и часть этой кувалды в черепе так и осталась. Это уже после операционной, когда на койку в медроте отправили, сразу как пришел в себя, стал у пацанов спрашивать, а кто была эта белокурая нимфа, эта Мадонна волоокая, что прижимала меня к щедрой перси своей — в общем, та деваха с большими сиськами? Ну, пацаны мне и сказали:

— Это наша Катя Поцелуйко.

— В смысле «поцелуйка»? Это стеб какой-то, погоняло такой у нее? В смысле — попробуй поцелуй-ка?

— Не-е, говорят, реально фамилия такая у нее. Ну и пробовать целовать не прокатит, не дается она никому. И ты по фамилии к ней не обращайся — просто Катя, ну или Радистка Кэт. И вообще, не обижай ее — мы, если что, за нее и морду можем разбить, хотя она у тебя и так выглядит не очень.

Ну я и стал ее просто Катей называть, иногда — Мадонной. Она меня спросила, конечно: с чего это я вдруг Мадонна? Та американская певичка, мол, старая уже — и вообще я на

нее даже не похожа. Я Кате сказал, что она на другую Мадонну похожа, не на американскую. И что та, другая, на куче картин изображена знаменитых и выглядит там очень даже неплохо. Выяснилось, что Катя не знает толком про Мадонну на картинах, но я ей не стал объяснять, поскольку она на меня похожа даже обиделась немного, что я ее типа за дуру держу.

Хотя она вовсе не дура. Молоденькая совсем — это да. Поэтому может и не знать ничего про Мадонну эпохи Возрождения. Зато в медицине своей разбирается. Это ж уметь надо — девчонке добиться того, чтоб мужики, повоевавшие да раненные, ее слушались и терпели всевозможные медицинские экзекуции. Тем более — чего таить — каждый из нас к ней подкатить пытался, многие в принципе женщину давно не видели, а тем более — такую аппетитную и вкусно пахнущую.

Катя не просто духами какими-то пахнет — она пахнет домом. Причем домом бабушки из детства — когда летом вбежишь в него с жары босиком — ноги грязные, крапивой все обжег опять и на коленках новые ссадины, а там прохладно так и пахнет солнечной пылью, только что намытым полом деревянным и тестом, которое бабушка уже замесила для своих пирогов с черникой. Вообще у нас в медроте запахи не

очень — раненные мужики воняют знатно, и не только грязными носками, да еще и медикаментами несет. А Катя Поцелуйко пахнет домом — не пойму, как ей это удастся.

Я аккуратно так расспрашивать ее начал во время перевязок, откуда она и зачем вообще сюда на войну приехала — молодая ж девчонка совсем. Ну она вроде видит, что я не просто так подкатываю и даже на грудь ее почти не смотрю, и стала мне понемногу о себе рассказывать.

Она — из Брянска, говорит, что чуть ли не с детства мечтала медиком стать — «лечила» кукол, собак и кошек. Выучилась там в медицинском колледже на акушерку, устроилась в брянскую больницу в кардиологическое отделение, потом работала в ковидном госпитале. В двадцать втором сама пошла в военкомат и попросилась на войну — причем от родителей это скрыла. Когда дождалась «отношения» — подтверждения, что ее берут на контракт, поставила маму и отца перед фактом — мол, собираю чемоданы и уезжаю. Они ее пытались отговорить, но куда им — я сразу понял, что Катя упертая. Ну и спросил ее:

— А зачем ты сюда на войну приехала-то? Зачем тебе это нужно?

— А кто вас непутевых спасать и лечить будет? Вы ж только перед пацанами своими все

герои, а как только заденет чуть осколок, или как тебя пуля черканет, сразу начинаете: все, братишки, я помираю, оставьте меня здесь, передайте жене и любовнице, что погиб я как настоящий казак, жаль только, что не взглянул в глаза вороного коня напоследок. Вот и приходится кому-то вас, нытиков, из-под огня вытаскивать и царапины ваши бинтовать.

— Ну у меня не то, чтоб царапина и просто пуля черкнула. Так-то кость сзади на черепушке пробита, вон дырка какая осталась — возьми, потрогай.

Сам я свою дырку в башке лишний раз стараюсь не щупать — болит до сих пор, а вот от женских прикосновений к голове с детства млею. Но Катя не повелась:

— Не буду я ничего у тебя трогать и тебе не советую, пока кости не срослись. Нас на акушерском деле учили, что у младенцев на черепе есть роднички такие, малый родничок — как раз на затылке, где у тебя дырка. И вот пока до года пять основных костей черепа у ребенка не срослись, надо следить за родничками этими, чтоб патологии не было. Вот и представь, что у тебя снова малый родничок на голове образовался — как зарастет, все нормально у тебя будет, сможешь снова «птиц» своих запускать.